

ПОДАРОК ДОКТОРУ: ЧЕРТЕЖ ЛИЧНОГО ФИНАНСОВОГО СЧАСТЬЯ

Не устаю повторять, что наши пациенты — в массе своей милые, душевные люди. И когда человек, не знакомый с психиатрией вплотную, спрашивает — мол, как же вы не боитесь с ними работать и постоянно общаться? — я отвечаю, что вот как раз с ними если проблемы и возникают, то они ожидаемые. Зато невозможно угадать, что способен отчебучить среднестатистический здоровый человек. А наши... да они просто лапушки!

Была тут на приеме у Оксаны Владимировны (кто еще не знаком — прошу любить и жаловать: психиатр и по совместительству моя жена и литературный критик) женщина. Приходила после очередной комиссии для продления инвалидности. Доктор постаралась усилить ей группу, что, с учетом параноидной настроенности членов комиссии, усугубленной хроническим синдромом вахтера и общим впечатлением, будто пенсию инвалидам они платят из своего кармана и словно от души эти деньги отрывают, было непростым квестом.

Но все же удалось перевести с третьей на вторую. Хотя тут бы, по-хорошему, и первая подошла, но кто же ее даст! Критериев, говорят, недостаточно... Просто представьте человека, с которым даже вне обострения его болезни (а оно приключается не реже раза в год и длится не меньше пары-тройки месяцев) даже поговорить-то сложно.

Почему? Да потому, что на первый же вопрос о том, как дела, она ответит не сразу, а выдержит паузу минуты в две, а то и три. Поскольку сначала нужно выстроить внутренний диалог с голосами — где-то посоветоваться, кому-то предложить заткнуться, кого-то урезонить — мол, ну уж таких-то подробностей доктору не надо сообщать. Потом, вторым этапом, необходимо протестировать, как предполагаемый ответ сочетается с собственной системой... — доктор называет ее бредовой, но это вовсе не исключает вероятности его невольного сотрудничества с органами всемирного контроля, а им некоторые моменты знать совсем необязательно, иначе могут последовать санкции не только для нее самой, но и для страны в целом. Третьим этапом нужно вспомнить, как люди со складом психики, подобным докторскому, обычно реагируют на заготовленный ответ, чтобы и не обидеть человека, и не насторожить его профессионально. Потом неплохо бы предугадать варианты следующего вопроса и хотя бы в общих чертах продумать варианты ответа, чтобы удержать беседу в нужном русле. Потом... в общем, вы поняли, что человек замолчал не просто так? А ведь это был только первый вопрос.

Короче говоря, женщина пришла сказать большое человеческое спасибо за то, что теперь она будет получать пенсию чуть больше. И она действительно была искренне благодарна, пусть и прокладывала общий курс беседы

осторожнее, чем подводная лодка в заминированных шхерах. Но под конец разговора все-таки решилась.

— Это вам, доктор.— По столу скользнул листок формата А4.

— Что это? — спросила Оксана Владимировна, разглядывая рисунок, очень похожий на детсадовское творчество.

— Это... ну вы понимаете, что это только для вас? — после стандартной двухминутной паузы полушепотом уточнила пациентка.— Это чертеж «Теслы». С уточнениями и доработками.

На рисунке действительно был изображен автомобиль. В профиль. Ну вы знаете, как обычно рисуют дети: узнаваемые очертания кузова, два колеса. В общем, крайне концептуальная модель. Внизу, чтобы даже такому распоследнему гуманитарии, как доктор, было понятно, мелким-мелким почерком написано «Тесла». А над машиной и по сторонам от нее — несколько кружочков с какими-то значками внутри.

— Да, это уточнения и исправления. Вы разберетесь,— поймав взгляд, пояснила женщина.— Вы мне очень помогли. И я не хочу, чтобы вы в чем-то нуждались в этой жизни. Тут, если правильно подать патентные заявки,— миллионы. Даже миллиарды. Не благодарите. Всего доброго.

Предваряя ваши просьбы, скажу сразу: рисунок не покажем. Вы же понимаете, что делиться таким сокровищем нельзя. А ну как мировой финансовый кризис углубится? А у нас тут такая золотая страховка. Придержим на черный день.

ВСЕМУ ВАС НАДО УЧИТЬ!

Вот еще одна история, написанная по мотивам воспоминаний моего постоянного читателя Михаила. Егор (назовем его так) попал в это отделение уже третий раз. И снова мания подвела, а поскольку маньяк он оказался не особо-то сексуальный — так, взор горящий, да мысли табуном, да еще набравший пугающие обороты внутренний стержень с заостренным каудальным концом, — то и отправили его не в какую-нибудь спецбольницу, а куда обычно.

Да, уже обычно, усмехнулся он про себя: третий раз — это уже система. Можно даже тихонечко гордиться: третий маниакальный эпизод — и опять осенью. Ну чисто Пушкин. Если бы еще и рифмы умел плести такие же красивые... Впрочем, кому они сейчас интересны, эти рифмы. Народ сейчас все больше по пирожкам. Так что, может быть, и к лучшему, что не Пушкин. Опять же, не пристрелят. А что отделение — так это уже привычное отделение. Жить можно.

Жаль только, с этого года порядок новый ввели. На взгляд Егора, и не его одного, к слову — дурацкий совершенно. Чай запретили. Нет, на завтрак, обед и ужин — это пожалуйста, а так, чтобы в другое время заварить, да нормальный, а не тот гомеопатический, что в столовой, — это ни-ни. Каркаде там или иван-чай — это запросто, можно на пост за кипяточком сходить. А нормаль-

ный — увы. Поговаривают, что кто-то из хронических чифирить начал злостно — вот и прикрыли лавочку. И это было печально, поскольку чем еще себя тут развлечь, кроме чая и сигарет? Да почитай что и нечем. Не телевизор же смотреть. Шашки-шахматы? Без чая? В общем, было приличное отделение, а стал какой-то дурдом.

Впрочем, как шепнули знающие люди, заварку добыть все-таки можно. Ведь после отбоя что начинается? Нет, у кого сон, у кого бессонница — это понятно. А еще — уборка помещений. В туалете там полы протереть, коридор прощуршать. Думаете, санитарочкам охота лишний раз тряпкой махать? То-то. А просто взять и заставить кого-то из больных — нет, шалишь, не те времена. Только полюбовно, только по согласию. А значит — готовь сигареты или какие другие вкусняшки. Вот тут-то чай и пошел на ура. Вернее, заварка.

И тут же всплыла еще одна проблема. Вот, положим, дали тебе эту самую заварку — а дальше-то что? На пост идти за кипяточком? Так тебя немедля и спалят. Заваривать-то надо при них, на месте. Припрятать до утра? Так ведь утром будет шмон по распорядку, и заварку найдут. Да еще удивятся так делано и пальчиком игриво погрозят — ах, мол, шалун какой и откуда только взял?

— Молодежь! — фыркнул дядя Сема, сосед по палате из бывалых и тертых. — В армии, конечно, не служил, так?

— Так, — развел Егор руками. — На втором курсе первое обострение скрутило.

— Оно и видно, — понимающе покивал старожил. — Ладно, с тебя заварка, с меня ноу-хау.

Помыв полы после отбоя и получив на руки заветную пачку, Егор отыскал дядю Сему. Тот достал из какого-то закутка подсобки стеклянную банку, обрывок двужиль-

ного провода, пару крышек от растворимого кофе, несколько горелых спичек и катушку ниток.

— Провод,— ответил на немой вопрос дядя Сема,— самая большая проблема. Но тоже решаемая — даже не выходя из отделения. Тут и надо-то полметра, не больше. Смотри, студент.

Согнув крышки пополам так, чтобы получился полумесяц, и так, чтобы каждая крышка зажимала по одной жиле провода, он проложил между этими полумесяцами частокол спичек и обмотал конструкцию нитками, чтобы не распалась.

— Все, кипяtilьник готов.— Дядя Сема погрузил конструкцию в банку с водой.— Тут теперь главное, чтобы сеть была посильнее и пробки не выбило.

В банке загудело, вода пошла пузырьками и вскоре закипела.

— Вот так, Егорка.— Жмурясь от удовольствия, ветеран дурдома сделал глоток.— Провод, изолятор, нитки для крепежа и два куска металла, желателъно плоских. В армии, помню, подковки для сапог приспособлявали. А вообще много чего пойдет, лишь бы фантазия работала. Можно вилку или ложку алюминиевую поломать, можно две целые использовать, можно два лезвия от бритвы... хотя да, их тут не найти. Можно две пятирублевые монетки взять, но с ними хуже: провода плохо крепить и пробки чаще вылетают. Но основную мысль ты уловил, верно?

— Верно,— восторженно прошептал Егор.— Это же так просто!

— А то! — подбоченился дядя Сема.— Но из вас, детей Интернета, почему-то мало кто до этого доходит. Всеуто вас надо учить!

МУЧЕНИК ЗА ВЕРУ

Вопрос веры у нас в стране сложен и неоднозначен. С одной стороны, лет семьдесят ушло на попытку сформировать атеистическое мировоззрение советского гражданина, а это все же больше, чем одно поколение. С другой стороны, и в бытность Союза этот номер не со всеми прошел, а потом страну вдруг настигло похмелье всеобщего покаяния, и разница между количеством храмов и количеством отделений Сбербанка стала понемногу сокращаться. Лидерство, правда, прочно удерживают пивные, но тут и Сбербанку сложно конкурировать.

А вот с самой верой, размышлял Геннадий, прификсированный к больничной койке пятью метрами фланелевых вязок, у народа туго. Дефицит, потому и не все успели себе урвать, когда была раздача. Настоящая вера — она ведь не за страх, а... в общем, с нею надо родиться.

Ведь даже самый распоследний римский солдат, при всей прагматичности своего подхода к вере, не просто предполагал — он твердо знал, что боги есть. Поэтому надо что-то отстегнуть, чтобы что-то взамен получить. Примитивно? Может быть, зато искренне. И как-то без ненужного самоуничтожения, что ли. Мол, вот тебе, уважаемый Юпитер, эта жертва, а ты мне взамен, пожалуйста... далее пункты из вишлиста.

Уважит просьбу небожитель — почет ему и слава; можноobelisk в честь этого заказать, или что там в таких случаях полагается, чтобы свершившуюся сделку в веках запечатлеть. А если прокатит — можно ведь на томobeliske и претензию высечь: мол, жертвовал я то-то и то-то, взамен получил *canis penis*, и фиг вы от меня чего дождетесь впредь, божественные. Наивно? Зато честно.

А сейчас что? Геннадий поморщился и подергал вязки: крепко прикрутили. Сейчас веруют в большинстве своем как раз за страх. И от недостатка достоверной информации. Ведь, как сказал один эмбрион своему близнецу, дискутируя о жизни после родов, оттуда еще никто не возвращался. Поэтому как знать: вдруг там, за последней чертой, что-то все же есть? Может неловко получиться. Вот и стараются заранее озаботиться билетиком в рай, хотя бы на галерку, если уж в партере все занято. Ну и для мирских своих дел крышу ищут: то там свечку поставят, то тут к святому обратятся.

А самое главное — что отдают-то? Чем жертвуют? Молитву читают? Те же свечи покупают и зажигают? Да разве это жертва? А потом удивляются, что их не слышат и навстречу не идут. Уж если хочешь что-то получить, то и отдавать надо не по-детски. Вот как сам Геннадий, к примеру.

Нет, голубей и баранов он на алтаре не резал: не принимает Господь таких жертв. И его можно понять: это как с криком «Да здравствует Буркина-Фасо!» выкинуть с падающего дирижабля зазевавшегося негра, чтобы замедлить снижение. Не наш метод. Тут надо жертвовать чем-то своим. Болью, например. Комфортом. Так, чтобы ух!

Потребность такой жертвы Геннадий ощущал обычно раз в год. Или два. Или когда прекращал пить лекарства.

Откуда-то и настроение нужное бралось, и силы на поступок. И привычная — ложная, к слову — скромность куда-то стыдливо пряталась. И тогда Геннадий шел в музей. Обычно в тот, где его еще не знали, пусть год от года этот список и сокращался. В музее он с целеустремленностью Чебаркульского метеорита устремлялся к старинным иконам — и принимался страстно их лобызать.

Он давно заметил: в церкви на такое реагируют, но как-то иначе. Тут же, в музее, сценарий был накатанным: прибежала охрана, Гену хватили под белые руки и пытались разлучить с иконой, он рвался запечатлеть последний поцелуй, с охранников стремительно сходил и без того тонкий налет цивилизованности — и начиналась драка. Геннадию уже традиционно прилетало больше и сильнее, да он особо и не уворачивался, но и в долгу не оставался. Потом приезжала полиция, за ней, после короткой беседы, — спецбригада, и в итоге побитый, но довольный Гена оказывался в наблюдательной палате, привычно прификсированным к койке. Ссадины и синяки побаливали, зато душа пела: очередной сеанс мученичества за веру прошел успешно!

— Геннадий Витальевич, вы никак снова изволили в музее барагозить? — спросил доктор на утреннем обходе.

— Ну что вы, доктор! — улыбнулся Геннадий. — Не барагозил, а страдал за веру.

— Чем же вам бедный музей так не угодил? — поинтересовался доктор. — Сходили бы, что ли, к оппонентам. В мечеть какую. Или синагогу.

— Доктор, — проникновенно ответил Гена, — я, конечно, сумасшедший. Даже буйный. Но, черт меня дери, я биполярник, а не имбецил!

ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА. И ОДНОГО ЗРИТЕЛЯ

Телевизор — важный объект любого отделения в любой психиатрической больнице. Можно сказать, стратегический. Потому и охраняется особо. Где-то его вешают под потолок, где-то помещают в подходящую по размеру или же самодельную тумбу с дверцами, которые закрываются на навесной замок и открываются только на время просмотра, а кое-где телевизор, подобно опасному дикому зверю, томится в сваренной из арматуры клетке.

Пульт же, как правило, находится у санитаров. Чтобы зрелища и, соответственно, сборища были строго дозированы. А то ведь телевидение — оно такое, даже на не охваченную нашим вниманием и заботой публику действует мозголомно, а уж на скорбных главою и подавно. Но без него тоже никак: пациент, страдаемый информационным голодом, подобен курильщику, у которого закончился табачок. Только у второго пухнут всего лишь уши, а у первого — тот ганглий, что между ними расположен.

Иннокентий, впрочем, к таким коллективным просмотрам относился с изрядной прохладцей. Мол, зелен виноград. Во-первых, количество сидячих мест около зомбоящика всегда оказывалось ровно на одного Инно-

кентия меньше. Во-вторых, электорат с завидным упорством смотрел или «РЕН ТВ», или каких-нибудь «Воронинных», что для Иннокентия было моветоном, возведенным в степень табу, ибо он предпочитал опасаться дурдома в себе, а не себя в дурдоме. А в-третьих...

В-третьих, на этот раз случился Александр. Некогда он блистал (во всяком случае, Александр утверждал сие без тени сомнения) на сцене областного театра, но вы же понимаете, мон шер Кеша: профессиональная актерская вредность... Comprenez-vous, mon ami?¹ Гастроли, нервы, расшатанные репетициями, приходится лечиться народными средствами, да и народ эти средства сам тебе несет — это же никакой печени не хватит. Вот и стала память сдавать. Теперь вот, сами видите, н-да. Вот уже лет семь тому как.

Говорят, что настоящее мастерство не пропьешь. Иннокентий убедился в этом лично, несмотря на то, что Александр когда-то честно пытался победить эту народную мудрость. Да, где-то раз в два-три дня Александр норовил представиться Кеше заново, напрочь забывая, кто этот милый молодой человек. Да, из всего репертуара помнил он лишь пару сценок. Но как выступал! Какая экспрессия, какой артист! Глаза горят огнем, куда-то уходят шаткость походки и тремор рук, дребезжащий голос наливается силой и приобретает бархатные нотки — ну чистый лев! Пусть побитый молью, пусть в клетке — но лев же.

В общем, пока все отделение замороженно пялилось в ящик, Иннокентий вкушал настоящую духовную пищу, а не этот коллективный доширак. Ему отчаянно льстило,

¹ Понимаете, друг мой? (Фр.)

что представление давалось для него одного. Был бы параноиком — давно бы кристаллизовалась идея о собственной богоизбранности и особой миссии. Александр же просто млел от такого внимания и искреннего восхищения — и на следующий день снова шел знакомиться и ненавязчиво (во всяком случае, так ему казалось) предлагал показать истинное театральное искусство.

